

ДОЛГ И СОВЕСТЬ

ЧИТАТЕЛИ О ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «ВОЛЧЬЯ СТАЯ»

ОБ ЭТОЙ ПОВЕСТИ еще выскажутся критики, ибо таков потенциальный заряд быковского таланта, что каждое его произведение, войдя в соприкосновение с читателем, тут же дает вспышку откликов. Не повторяя уже многократно высказанного об острой идейной насыщенности его повестей, о выдвигаемых им всегда обнаженно проблемах долга, чести, совести, предоставим на этот раз слово читателям, откликнувшимся на публикацию в «Известиях» (№ 156, 158, 160, 162—164) глав из новой повести В. Быкова «Волчья стая».

«Хочу поблагодарить вас за то, что напечатали главы из новой повести писателя В. Быкова, — пишет Н. Величко из г. Лубны Полтавской области. — Читать их, как газетную информацию, я не могла. Собрала газеты и вот сегодня все прочитала. Прочитала, и сейчас же пишу вам, дорогие товарищи. Спасибо писателю. Прав он, прав. Надо писать об этой страшной, никогда не забываемой крокопитной священной войне. Надо помнить о наших дорогих погибших, о тех, кто не пришел к праздничному столу, чья рюмка осталась нетронутой в день Победы, о тех, кого и сейчас ждут старушки матери. Ждет сына и моя мать, хотя ей уже 87 лет. Надо об этом знать особенно молодым, ой, как надо... И еще — пожелание: хорошо бы

увидеть на экранах Левчука, Клаву, Платонова...».

Для тех, кто не читал повести, наверное, имело бы смысл пересказать ее содержание. И хотя пересказ художественного произведения — затея рискованная, напомним все же, о чем шла речь. Повесть — о партизанах. Одному из них — Левчуку приказано доставить в тыл раненого нашего десантника и радистку Клаву, у которой с часу на час должен появиться ребенок. В неимоверно трудном пути, где на каждом шагу подстерегала смерть, погибает десантник. Партизаны остаются втроем: Левчук, старик Грибоед и Клава. Они располагаются на привале в заброшенном току, где Грибоед принимает роды. И в этот момент, теперь уже четверых, окружают преследующие их враги. Снова, в который раз ставит нас автор повести на грань выбора: жизнь или смерть? Фашисты требуют выдать Клаву, обещая остальным сохранить жизнь. А здесь, в трипце, новая жизнь с розовым личиком младенца. И надо спасти эту жизнь, едва народившуюся.

Она спасена ценою двух жизней и почти чудом сохранена. Спустя тридцать лет Левчук узнает адрес того, кого спас. Теперь это уже должен быть взрослый, солидный, плотно ступающий по земле человек. Кто он? Каким стал? Ради кого были принесены жертвы? Перед этими

вопросами, как перед дверью, которую неуверенно открывает Левчук, оставляет нас автор повести.

В этом пересказе все упрощено, сведено к однотонной конструкции сюжета, и мы не навязываем своего мнения в надежде, что не читавшие повесть прочтут ее теперь полностью в седьмом номере «Нового мира». Сейчас же — слово читателям.

«Вам пишут комсомолыцы Матеуцкой средней школы Молдавии, — читаем мы в другом письме. — Каждую субботу мы собираемся на окраине села, чтобы почитать газеты, обсудить новости. И вот так же, вместе, читали отрывки из повести Василия Быкова. Каждый день ждали продолжения, спорили: чем кончится. Спасибо вам большое».

Читатель из г. Енакиево И. Арутюнов делится своими впечатлениями: «Вещь великолепная. «Волчья стая» такое же сильное произведение, как «Обелиск», «Дождь до рассвета», как «Эхо войны» Анатолия Калинина, как песня о журавлях Расула Гамзатова. Все это имеет большое и настоящее воспитательное значение, особенно для молодежи, школьников. Хорошо делают, печатая такие отрывки. Для них и места не жалко».

«Спасибо за повесть, все собрал и проглотил в один вечер» (В. Безуглов, с. Менчикур Ворошиловградской

области). «Писатель широко и всесторонне показывает героев, которые не колеблясь могут отдать свою жизнь за Родину, за счастье народа» (П. Хаустов, г. Приморско-Ахтарск). «Передайте спасибо за правдиво написанную повесть. Это мой любимый писатель» (О. Полякова, г. Львов).

Подобных откликов множество, и их невозможно все привести.

ГЕРОИ новой повести, как мы видим, встречены сердечно. Они как бы сошли с газетных страниц в жизнь, позвали, увлекли за собой и не только восхитили подвигом своим, а заставили многих задуматься, словно спросили, а как бы на моем месте поступил ты?

Есть и сомнения. Читатель В. Боголепов пишет: «В тяжелейшей обстановке, пренебрегая опасностью, Левчук стрельбой начал прикрывать выход радистки из горящего овина. Ему это удалось. Но вот надо уходить и Левчуку, чтобы продолжать защищать только что родившую женщину. Он высказывает и... бежит от тока. Бывает? Бывает с людьми, прежде всего думающими о себе. Но Левчук ведь не таков? Он вернулся, правда, но почему сразу-то бежал?»

Многим читателям хотелось бы другой развязки, они упрекают писателя в недосказанности, волнуются за судьбу художественных образов, как за живых героев.

«Поясните, пожалуйста, и опишите судьбу Клавы, куда она девалась?» — спрашивает Н. Драпеза из Гомельской области. «Меня сильно волновало то, что произошло с Клавой, Левчуком. Но где же эта мужественная радистка, что с ней? И каким вырост Виктор Платонов?» «Ко-

нец повести как-то оборван», — пишет из Свердловска С. Шустов. Тот же вопрос в письме Л. Вайгиховича из Махачкалы: «Что произошло с Клавой? Куда зашел Левчук? Кого он там встретил? На это нет ответа в интересной повести «Волчья стая».

Судьбой Клавы и ее сына Виктора обеспокоены и другие читатели. Любопытно с этой точки зрения письмо И. Земляковой из Ставрополя:

«Каждый отрывок прочитывала мгновенно, и шла на балкон побыть с собой, со своими думами. Приходит газета с окончанием повести. Читаю. Откладываю в сторону. Как же так, ведь «Волчью стая» я заранее привела к другому концу... Успокоила себя: «Причем здесь волки. Ведь посмотрите, Левчук, перееханный войной старый человек, шел тридцать с лишним лет к мальцу, которого он нес через болото, трясину, пули и унес от смерти в жизнь». Мне, Василий Владимирович, думалось другое: будто Левчук узнал адрес одного из «волков», который, дескать, сумел уцелеть, спрятавшись за чужим именем, а Левчук его отыскал... Привыкли мы, читатели, угадывать намерения писателя. На этот раз «маненько» ошиблись. Большое вам спасибо за прекрасное произведение».

На вопросы о «неблагополучных» развязках своих произведений В. Быков отвечал уже не однажды.

«Критика, — писал он, — нередко склонна подтачивать писателей к благополучным развязкам в произведениях на военную тему. О произведении, где все улаживается претотлично, совершается подвиг, который естественно знаменует величие духа со-

ветского человека, а герой отделяется лишь легким испугом, — о таком произведении говорят, что его концовка звучит оптимистически... Еще считают погибших относительно к живым, и не дай бог, если окажется, что погибших больше, чем остается в живых».

Это его высказывание можно бы отнести и к «Волчьей стае». Но в ней развязка благополучная — спасенный малыш жив, вырос! И читателям надо, конечно, ответить — так много писем с одним вопросом.

Я позвонил Василию Владимировичу в Гродно.

— Спасибо, сердечное спасибо всем за добрые слова, — сказал он. — Что касается судьбы Виктора, то это другая тема, которая не ложилась в рамки повести. Помоему, в художественном произведении лучше не до- сказать, чем пересказать. Вот я и оставил читателей вместе с Левчуком перед еще не открытой дверью, — чтобы было над чем поразмыслить.

Каким стал Виктор? Но повесть не о нем. Я хотел показать тех, кто подвиг совершал. По-моему, задача писателя — пробуждать к активной работе читательскую мысль.

Теперь о Клаве. Да, неизвестно, что с ней произошло. Может быть, она спрятала ребенка во ржи, чтобы отвлечь полицаев. Скорее всего так. И ее убили. Даже наверняка она погибла. Прямого ответа нет. И нет его по той простой причине, что сама война оставила нам очень много недосказанного. Сколько пропавших без вести, убитых при разных обстоятельствах, а потом вдруг выясняется, что люди совершили подвиг...

Виктор СТЕПАНОВ.